

ЕВРЕЙСКИЙ ОПРОС

ПОКА МИРОВОЕ СООБЩЕСТВО ЖДЕТ, АТАКУЕТ ИЗРАИЛЬСКАЯ АРМИЯ ЯДЕРНЫЕ ОБЪЕКТЫ ИРАНА ИЛИ НЕТ, В САМОМ ИЗРАИЛЕ РЕШАЮТ: БОМБИТЬ ИЛИ ЛЮБИТЬ

Юрий Дорохов

Евреев, родившихся в Израиле, называют сабрами — в честь местного съедобного кактуса. Снаружи колючие, внутри мягкие и даже вкусные. Считается, что сабры жестче по характеру, чем евреи в диаспорах, и не будут терпеливо сносить обиды.

Элезар — сабра. Мы разговариваем в крошечном иерусалимском кафе около местного рынка. Из телевизора на стойке говорит Барак Обама: «Ядерный Иран будет угрожать уничтожением Израиля и стабильности мировой экономики... Соединенные Штаты сделают все, что потребуются, чтобы не допустить появления ядерного оружия у Ирана».

«Наш враг не Иран, а один фанатик, который забыл свою историю», — Элезар качает седой головой. Он рассказывает, как две с половиной тысячи лет назад персидский царь Кир освободил евреев из вавилонского плена.

Слова Элезара заглушают крики на улице. Молодые арабы толкают тележки и кричат что-то, до боли напоминающее «Жол! Жол!». Народ расступается в стороны. Не отходят только несколько парней в форме ЦАХАЛа — израильской армии. На плечах бойцов автоматы.

Элезар показывает на юнцов с тележками: «Вот наша проблема: у нас много молодежи. Чем они займутся, когда вырастут? Хватит ли им рабочих мест? Ахмадинежад пришел, Ахмадинежад уйдет, а эти никуда не денутся».

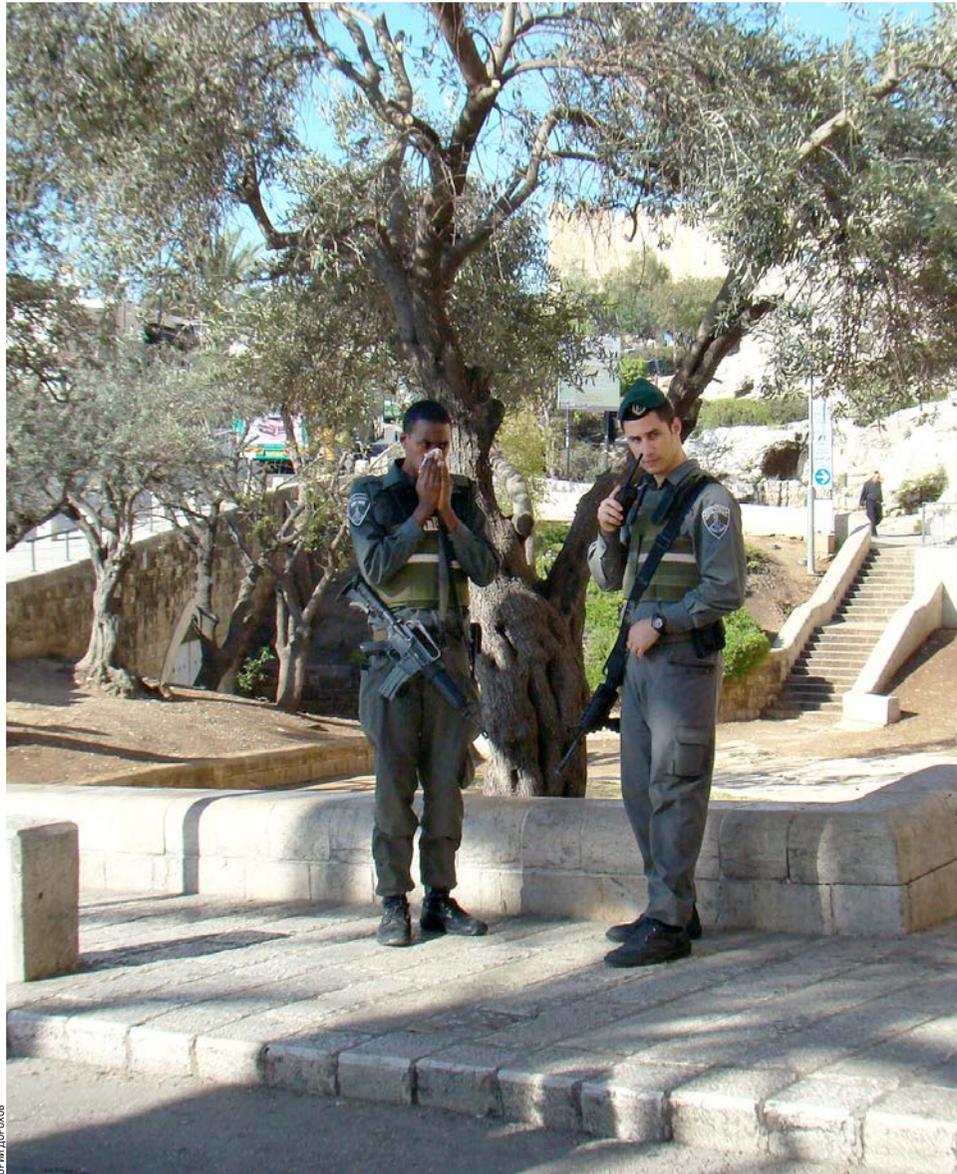
Заместитель гендиректора МИДа Израиля Анна Азари — не сабра, она родом из Вильнюса. Но ее тон куда жестче:

— Нам говорят, что есть тысячелетние персидские традиции, что иранцы не сумасшедшие, и Израилю нечего бояться. Пospoрю. Иран не только развивает ядерное оружие, но и экспортирует терроризм. Израиль считает, что Иран — глобальная проблема человечества и относится к его ядерной программе как к часам, которые тикают не в нашу пользу.

Когда пробуют часы, пояснил израильский премьер Беньямин Нетаньяху. 27 сентября 2012 года, выступая в ООН, премьер показал рисунок бомбы с бикфордовым шнуром. На бомбе была проведена черта с пометкой «90%». «Линия должна пройти здесь», — процитировал Reuters слова премьера. Имелась в виду степень готовности иранского ядерного оружия.

Сколько осталось до дня «Д»? Запуская в 1974 году ядерную программу, шах Мохаммед Реза Пехлеви говорил, что «это случится раньше, чем некоторые полагают». Оружия нет до сих пор. Нетаньяху прогнозирует, что оно будет готово через год. Раньше он говорил о считанных месяцах.

Парадоксально, но 30 лет назад запустить ядерную программу Ирану помогали, в том числе, израильские специалисты из исследовательских центров в Димоне и Сореке. После «Зеленой революции» 1979 года экспатов прогнали, работы были

ЮРИЙ ДОРХОВ

приостановлены на длительный срок. А вот израильские оборонщики сложа руки не сидели. 22 сентября 1979 года американский спутник-шпион зафиксировал в Южной Атлантике несколько световых всплесков, характерных для взрыва заряда мощностью две-три килотонны. Ответственность на себя не взял никто. Считается, что взрывы могли быть проведены совместно ЮАР и Израилем. В 1990 году президент ЮАР Фредерик де Клерк объявил об уничтожении запасов ядерного оружия. Израиль ничего такого не обещал. В мае 2008 года экс-президент США Джимми Картер заявил, что у Израиля имеется «150 или более» ядерных зарядов. В отличие от Ирана, Израиль так и не подписал договор о нераспространении ядерного оружия. Экс-премьер Голда Меир как-то заявила: «У Израиля нет ядерного оружия, но если понадобится, он его применит!».

Если можно Израилю, почему нельзя Ирану? Этим вопросом вполголоса задаются даже израильтяне. «Никто не утверждает, что они используют это оружие. У них есть право иметь такое оружие больше, чем у любой другой страны!» — пишет на одном из израиль-

ских форумов пользователь Эли. «Но они угрожают, что воспользуются ядерным оружием, чтобы стереть тебя с лица земли! Нельзя им позволить овладеть ядерным оружием!» — возражает ему Ури. Другие форумчане начинают упрекать Эли в непатриотической позиции. «Я не за Иран, я за лидера-мужика, который, к сожалению, есть у Ирана, который ничего не боится», — отвечает Эли.

Иранскому лидеру в решительности не откажешь. «Решение палестинского вопроса и истребление корней сионизма — общечеловеческий и всемирный долг», — цитирует его агентство iPan.ru.

В Израиле единства нет. Большинство членов правительства выступают против превентивных военных мер, если США открыто не поддержат их. Обама избегает конкретных формулировок. Начальник генштаба США Мартин Демпси называет возможный израильский удар по иранским ядерным объектам «авантюрой», которая «замедлит, но, вероятно, не уничтожит полностью ядерную программу Ирана и может подорвать международное дипломатическое давление на Тегеран».

Пока политики дискутируют, в сети Facebook набирает популярность страница israellovesiran («Израиль любит Иран»). Ее создали супруги Ронни Эдри и Михаль Томир из Тель-Авива. Запуская страницу, Ронни написал: «Я вообще никогда не встречал иранцев. Ну, одного только в музее в Париже, хороший чувак, кстати. Тут еще по телеку одного иранца показывают. Он все время о войне говорит. Я уверен, он никакой не представитель всех иранцев. И если вы видите по телику кого-то, кто грозит бомбить вас — вы тоже знайте, что он не представитель всех нас». В первые же дни страницу залайкали несколько тысяч человек.

Пока израильские СМИ публикуют фотографии иранских демонстрантов с плакатами «Марг бар Эсрайль!» («Смерть Израилю!»), в самом еврейском государстве страсти кипят по другим поводам. Иудеи-ортодоксы из квартала Меа-Шаарим протестуют против работы автостоянок в шабат. Футбольные болельщики устраивают бои друг с другом. Обычные горожане выходят на улицы, выступая за доступное жилье и против перехода на зимнее время. В уличных разговорах ругают не режим аятоллы, а высокие налоги и заградительные цены на бензин (по данным Bloomberg, около двух долларов за литр).

Многие боятся, что из-за конфликта с Ираном цены на топливо подскочат еще сильнее — Израиль на 100% зависит от импорта нефтепродуктов. «Наши экскурсоводы всегда рассказывали туристам, что Моисей водил 40 лет народ по пус-

Пограничная полиция MAGAV, как и военнослужащие, не ходит безоружной даже в центре Иерусалима

тыне, чтобы найти на Ближнем Востоке единственное место, где нет нефти. Правда, недавно у нас нашли огромное месторождение газа. Таковую легенду испортили геологи!» — смеется Элеонора Гороховская, историк и гид из Иерусалима. Она тоже редко думает о войне. «Кто-то хочет стереть нас с лица Земли. Первый раз, что ли?» — пожимает она плечами.

Она вспоминает, как во время Второй ливанской войны ее принимали беженцев, отвозили в обстреливаемые районы еду на личных автомобилях. «Появилось ощущение личной ответственности за свою страну, за людей, которые рядом. Если придется снова воевать — значит, граждане снова будут помогать стране, чем могут», — философски замечает Элеонора.

Мимо нас с Элеонорой проходит кучка арабов, которых провожают глазами бойцы ЦАХАЛ. Я включаю телефон, смотрю Facebook. На странице israellovesiran 88 450 лайков — уже на 30 тысяч больше, чем у пользователя Mahmoud Ahmadinejad, пока еще в четыре раза меньше, чем у пользователя Benjamin Netanyahu. ■■

ВОЙНА И МИФ

ШЕФ-РЕДАКТОР ВОСТОЧНОГО БЮРО ИА REGNUM МИХАИЛ ПАК, ПОБЫВАВ В ТЕГЕРАНЕ, СПЕЦИАЛЬНО ПО ПРОСЬБЕ «АЛАУ» ОКУНУЛСЯ ВО ВЛАЖНУЮ ДУХОТУ УЛИЦ ИРАНСКОЙ СТОЛИЦЫ С ВОПРОСОМ — ХОТЯТ ЛИ ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ?

Михаил Пак

Да, США и Израиль — наши враги! — заместитель директора информационного агентства «Парс» по исследовательской и научной работе Сейед Яссер Джебраили скромно улыбается. Отчего-то эта скромная и не обязывающая к глобальным выводам улыбка вызывает у меня оторопь. Разве так говорят о войне? Война — это жертвы, гуманитарная катастрофа, беженцы. Да и он — это прекрасно видно по блеску его восточных глаз — отлично понимает это. Да и как не понимать? С одной стороны Иран подpiraется Ираком. С другой имеет прямой и почти неконтролируемый коридор в Афганистан. В каком еще приграничном с военными действиями регионе знают о войне больше, чем здесь?

Молодой перс продолжает улыбаться. — Они воюют с нами... — дальше он произносит фразу, которую мои переводчики не могут перевести. Нет, это не ругательство. Это понятно по доброжелательному тону и ровной, волнообразной жестикуляции. Когда люди клеймят, они начинают рубить воздух в капусту. Нет, он явно не ругался.

Особенность подавляющего числа восточных государств — и Иран не исключение — заключается в одном нюансе. Для того чтобы «по тяжелой» вникнуть в ситуацию, надо понять менталитет. А для этого нет смысла слушать политиков и любых других должностных лиц. Государство здесь сильно, и наделенные полномочиями люди будут с некоторым даже вызовом и нажимом делиться последними откровениями из области государственной пропаганды. Зато есть смысл зайти в ближайший центр обсуждения насущных политических вопросов. Вот он, в пятнадцати шагах от гостиницы, сразу за углом. Это торговая лавка. Здесь ужасно душно, в ходу уличный диалект фарси. Любителям классического персидского языка он понятен примерно так же, как русскому человеку польский. В хорошем смысле персидский дух — он именно тут.

Стоит только зайти сюда, как вокруг тут же начинают собираться люди. Они разнообразно жестикулируют и сразу вторгаются в зону личного комфорта, называемую иногда «персональным пространством». Они очень громко разговаривают. Это важные составляющие тегеранской улицы: гул разговоров и легкий смрад. Узенькие тегеранские улочки плохо проветриваются. С непривычки начинает слегка кружиться голова, а вокруг уже нешуточная толпа: мелкие лавочники, их друзья и друзья их друзей сбегаются посмотреть на живого иностранца. Со мной пытаются говорить на смеси английского, французского и персидского — это дань истории. Классического

Лицо главного врага иранского народа взирает на жителей Тегерана с плакатов и билбордов

афганского (дари, на котором говорят в Афганистане — это один из диалектов фарси) тут не понимают. Но оживляются, когда начинаешь объяснять, что ты родом из «руссии».

К бывшему советскому пространству здесь довольно сложное отношение. Скажем, Россию персы хотели бы видеть в числе своих союзников.

— Но сейчас Россия слаба, — подчеркивают мои собеседники, разочарованно качая головами.

Стоит мне спросить о войне, как мои визави разом замолкают. В эти несколько мгновений тишина становится гулкой — кажется, я даже услышал, как бьется о лампаду многочисленная мошкара. Потом все начинают говорить одновременно. Черт побери, почему они все снисходительно улыбаются?

Только проведя с этими людьми три вечера подряд, поговорив с ними через переводчиков на самые разные темы, я понял природу этой снисходительной улыбки.

— Угрожают Ирану сегодня, кажется, все, — улыбается Мохаммад Резои. И я тут же вспоминаю недавнее выступление Барака Обамы. Его присутствия на этой тегеранской улочке, признаться, очень не хватает. — Но стали бы мы теми, кто есть, без санкций Запада?

Действительно, Иран сегодня производит буквально все. От спичек до ядерного топлива. От одежды до танков. И даже автомобили — может, не

самые современные, но зато, по всему видно, надежные и доступные. Наверное, поэтому разговоры о войне вызывают здесь только улыбку. Чем можно запугать нацию, которая и без того живет на пороховой бочке не менее тридцати лет? Раньше иранцев пугали растущим Ираком. Потом случилась война. А до того Иран запугивали растущим Египтом. И сирийскими баасистами. Где сейчас все эти государства? А Иран снова запугивают: Курдистаном, Белуджистаном и призраком арабских революций.

Поэтому, рассуждая о войне, здесь предпочитают констатировать.

— Да, мы живем во вражеском окружении, — говорит студент Тегеранского университета. Кажется, его тоже зовут Мохаммад и он с факультета русского языка. — Но ведь нам есть чем гордиться. Оглянитесь вокруг: все это построено вопреки санкциям. И никакая война не сумеет это сломать, потому что это — ну, то что вокруг вас, оно построено. И будет еще раз построено. И еще раз. Мы очень терпеливы.

На этом моменте, я, вроде бы, начинаю понимать.

— Ты имеешь в виду дух? Вашу национальную гордость? — Я пытаюсь ухватить мысль и как-то забываю, что говорю с персом на очень беглом русском. В ответ он морщится, просит повторить медленнее. На секунду задумывается...

— Да, это можно назвать и так.

И ведь все просто. Разговаривая об Иране, эксперты часто забывают, что это цивилизация, которая пережила десятки распадов. Что Исфahan, город в центре Ирана, старше ислама. Что люди основывали здесь государственность задолго до Колумба.

Поэтому разговоры о войне — у рядовых персов вызывают только ироническую усмешку — и в полном объеме ее способен понять, наверное, только китаец, империя которого существовала пять тысяч лет до и просуществовала пять тысяч лет после. Война для персов — это, конечно, катастрофа. Так было тридцать лет назад, во время войны с Ираком. Но также было и тысячу лет назад, во время войны с афганцами. Да, это катастрофа. Но она ничего не решает для цивилизации.

На следующий день я сталкиваюсь на входе в агентство «Парс» с «государственным» Сейедом Яссером. Он приветствует меня и деловито спрашивает о результатах моих вылазок в Тегеран.

— Вы уже поняли, что значит для нас война с нашими врагами США и Израилем? — вопрос задается, вроде бы, не из праздного любопытства. Он действительно интересуется, что я думаю о его стране.

— Конечно. — Отвечаю я. — Они ваши враги.

И снисходительно улыбаюсь. ■■